

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-136-140

ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

© *Хава Нахаевна Темаева*

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия
temaeva25@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка раскрыть традиции М. Горького в творчестве Л. Леонова, осветить ее основные особенности и охарактеризовать главные этапы ее развития. Проанализированы творческие взаимоотношения Максима Горького и Леонида Леонова, осмыслены расхождения М. Горького и Л. Леонова в оценке Ф.М. Достоевского, показана преемственность горьковской и леоновской драматургии и публицистики. Органическая связанность творчества Леонова с традицией Горького не случайна и не сводится к сумме примеров, ибо она возникла на общей мировоззренческой основе, на гуманистическом мировосприятии, вере в человека и его победу над социальными силами, враждебными его стремлениям к счастью. И если стиль и манера Горького во многом отличны от стиля и манеры Леонова, то способы исследования явлений жизни, тот особенный угол, под которым оба писателя рассматривали действительность, точки наблюдения, избравшиеся ими, часто совпадали и были нацелены на решение сходных идейно-творческих задач.

Ключевые слова: Горький, Леонов, традиции, преемственность, влияние.

Для цитирования: Темаева Х.Н. Творческие взаимоотношения Максима Горького и Леонида Леонова // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96. № 1. С. 136-140. doi: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-136-140

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Creative relationship between Maxim Gorky and Leonid Leonov

© *Khava N. Temaeva*

Chechen state university of A.A. Kadyrov, Grozny, Russian Federation
temaeva25@mail.ru

Abstract. It is revealed the traditions of M. Gorky in the work by L. Leonov, to highlight its main features and characterize the main stages of its development. It is analyzed the creative relationship between Maxim Gorky and Leonid Leonov, comprehended the discrepancies between M. Gorky and L. Leonov in the assessment of F.M. Dostoevsky, shown the continuity of Gorky and Leonov's dramaturgy and journalism. The organic connection of Leonov's work with the tradition of Gorky is not accidental and is not reduced to the sum of examples, for it arose on a common ideological basis, on a humanistic worldview, faith in man and his victory over social forces hostile to his aspirations for happiness. And if the style and manner of Gorky differ in many respects from the style and manner of Leonov, then the ways of studying the phenomena of life, the special angle at which both writers considered reality, the points of observation chosen by them, often coincided and were aimed at solving similar ideological and creative problems.

Key words: Gorky, Leonov, traditions, continuity, influence.

For citation: Khava N. Temaeva Creative relationship between Maxim Gorky and Leonid Leonov. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 96. No 1. P. 136-140. doi: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-136-140

Введение

Величественная фигура М. Горького, олицетворяющая целую эпоху в истории русской литературы, неразрывно соединяется в нашем сознании с блестящей плеядой прозаиков и драматургов XX века – его соратников, продолжателей его традиций. Горький внес новое, осязаемое начало коллективизма в литературный процесс. Писатель-революционер неустанно собирал вокруг себя и умело воспитывал таланты, спланировал их вокруг общих задач, вызванных развитием русской жизни, углублением революционной перестройки мира.

Не следует представлять взаимоотношения М. Горького и его современников упрощенно: Горький не поучал больших художников, а помогал им найти свой настоящий путь, быстрее осознать, обрести свой жанр и свой стиль, как это делал в свое время В.Г. Белинский. Отзывы Горького о первых произведениях Федина, Gladкова и Леонова сравнимы по точности определений и глубине проникновения в сущность талантов с отзывами Белинского о Тургеневе, Достоевском и Гончарове.

Обсуждение

Как и Белинский, Горький не обошел своим вниманием и слабостей, отрицательных тенденций в творчестве современников. Горький поверял деятельность молодых богатейшим опытом литературного труда, служения народу и революции, накопленным великой русской классической литературой. Высшей похвалой в адрес советского писателя звучали горьковские слова: «Он – один из наиболее крупных представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы – дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого» [7, с. 262]. «Он» – это Леонов.

Как можно сблизить с Горьким столь непохожего на него художника? Не приведет ли так такая попытка к «подтягиванию» Леонова на творческий уровень Горького? Да есть ли вообще основание для постановки такой темы? Известны письма Горького к Леонову, предисловие Горького к французскому изданию «Барсуков», выразительные горьковские характеристики Леонова. Горьковская высочайшая похвала в адрес Леонова может показаться даже несколько завышенной.

Но вот в критический оборот вошли обильные материалы о взаимоотношениях Горького и Леонова, в частности признания самого Леонова относительно той огромной роли, которую сыграл в его судьбе Горький. Литературоведам оставалось глубже разработать открывшуюся новую тему. Не противоречит ли констатация влияний Горького на Леонова общности в творчестве обоих писателей, принципу свободного развития творческих индивидуальностей? Не принимается ли за признак связи их творчества отдаленное сходство явлений, возникших на одной почве?

Обращу внимание на отзывы, которые остались вне поля зрения критики, в том числе на те, которые свидетельствуют о том, что отношение Горького к Леонову не было однозначно одобрительным, и порою заметно было разноречие в суждениях и точках зрения обоих писателей. В этом следует разобраться, выявить в одних случаях недоразумения, в других – различия эстетических оценок, в-третьих – столкновения мнений, из которых каждое имеет свою слабую и сильную стороны. Это дает возможность представить более полно и всесторонне их творческие взаимоотношения, не всегда «безоблачные».

Интересны пометки Горького на подаренном ему автором экземпляре «Барсуков» (издание 1925 года). Обратим внимание на отчеркивания, относящиеся к характеристике крестьянства, его отношений к городу, к революции. Волнистыми линиями отмечены такие абзацы: «Поднялся разговор о буянстве города против разных величественных вещей. Склонялись к тому, что попусту головой в стенку биться: только в смертный час узнать, есть ли какая вышняя погонялка всему, или только так, – тень человека» [4, с. 116]. Отчеркнута сбоку прямой линией строка из реплики Савелия, хвастливо сообщившего, что главари «барсуков» Семен и Мишка совещаются: «Насчет Рассей обсуждают, брать или не брать!» [4, с. 138]. Волнистой линией Горький сопроводил так же слова Сигнибедова, сказанные при начавшемся было «великом выезде» деревни Воры: «Мужички, а мужички, а ведь ехать-те нам некуда!..» [5, с. 97].

Своими отметками Горький выделил ударные места романа и подчеркнул леоновские характеристики настроений крестьян. М. Горького волновали в середине 20-х годов факты «разноречия» города и деревни, противоречия между ними, и в «Барсуках» он, видимо, находил подтверждение своим опасениям. Сохранились горьковские пометки и по тексту «Соти». Волнистой линией отчеркнута следующее место: «Соображение, что, вырабатывая бумагу, Сотьстрой работал тем самым на культуру, было самым слабым оружием в этой борьбе (за развертывание строительных работ). Со знаком вопроса отчеркнута фраза: «Его (Гуляева) слушали с

зорким вниманием, очно все сообщаемые им на память цифры имели прямое отношение к мужицкому на Соти житию» [6, с. 74]. Вопрос, очевидно, означал: а почему бы нет? Крестьяне лучше начинали понимать связанность их судеб с судьбами Сотинского края и общим положением в стране. Пометки на книгах Леонова отражают думы Горького о русской деревне.

Известно, что М. Горький в статьях «О русском крестьянстве» (1922) и в других выступлениях начальных лет революции допустил ошибки в оценке крестьянства, рисовал деревню в негативном мрачноватом свете. Горьковские высказывания вызвали возражения и протест со стороны советской печати, коллективов заводов. Сам Горький позднее признал ошибочность своих высказываний. Пометки по тексту «Барсуков» (сделанные, очевидно, в 1925 году) опосредствованно связаны с этим эпизодом в его биографии. В романе молодого советского литератора Горький как бы искал подтверждения своим мыслям о враждебном отношении деревни к городу, к культуре.

Пометки в тексте «Соти» уже по-новому развивают «тему» пометок в «Барсуках». И хотя в этом романе Леонов немало страниц посвятил противодействию части деревни ходу вещей в «год великого перелома», Горький на этом уже не останавливает внимания. Для него оказались в 1931 году более важным и другие стороны деревенской жизни, а именно растущий интерес к тому, что происходит во всей стране, понимание крестьянам и взаимосвязанности деревенских дел с большими переменами и в жизни всего народа.

Гуманистические девизы Горького: «Человек – это звучит гордо!», «Все вперед, и – выше!» – могли бы стать эпиграфами к леоновскому творчеству. В «Скутаревском» главный герой так раскрывает смысл социализма: «Социализм – это человек во весь рост, это человек, уже навсегда вставший с четверенек... и только там гордо будет звучать это слово – человек!» [3, с. 267]. Творчество Леонова проникнуто горьковской верой в человека и высоким сознанием социально-педагогического назначения науки человековедения – литературы. Леонов считает важным открыть читателю «сокровенную человеческую сущность» героев, показать настоящие человеческие эмоции. Разумеется, Леонов знает, что эта сущность по-разному выражается в различной социальной среде и в различные эпохи, но сущность-то эта, эмоции эти – человеческие. Без этого общечеловеческого аспекта произведение искусства не может стать долговечным, интересным для людей другой среды и другой эпохи.

Вера Горького в человека вытекала из его общей концепции человека. Он писал: «Я не верю, что человек плох по натуре своей, – по натуре он всегда хочет лучшего, чем то, что есть, и сам всегда хочет быть лучше того, каков он есть» [1, с. 112]. Человек станет лучше, если развить то, что заложено в нем, коренится в его натуре, если избавить его натуру от искажений и наслоений. Точка зрения Леонова сходна. Но, как и Горький, Леонов знает, что во имя человека, во имя созидания хорошего и доброго нужно напряженно и неустанно бороться со злом, искоренять его. По своему идейно-эстетическому качеству «Соть» сравнима с шолоховской «Поднятой целиной», а по панорамной широте охвата событий первой пятилетки и глубине исследования общих тенденций развития страны этот роман, несомненно, превосходил другие произведения и стал художественным памятником целой эпохи.

К исследованию вопроса об отношении Л. Леонова к Ф. Достоевскому полезно будет подключить и вопрос об отношении к Достоевскому самого Горького. Есть у Горького рассказ «Карамора» (1924), написанный в ту пору, когда писателя волновали аномалии человеческой души; интерес к ним обострился в годы войны, революционного слома старого строя и послевоенной разрухи. Персонаж этого рассказа – предатель – задумывается о том, почему он так легко перешел от подвигов героизма к подлости? Почему, делая подлое дело, не чувствует отвращения к себе? Герой «Караморы» утверждает, что идеал честной жизни недостижим. Круг завершен: подлость неискоренима и оправдана.

Невольно от героя «Караморы» обращаемся к Грацианскому из «Русского леса». В этих персонажах улавливается сходство. Грацианский с юных лет склонен был не замечать границы между подвигом и подлостью. Его теория миметизма, просачивания в состав агентуры царской охранки во имя якобы достижения целей ее дискредитации, граничит с провокацией и предательством. Невольное контактирование с охранкой обнаруживает душевную шат-

кость Грацианского; от жажды подвига он легко переходит к компромиссу со злом и совершает предательство. Молодой Грацианский, в сущности, переживает и разделяет ставрогинские по духу чувствования и мысли героя рассказа «Карамора».

Здесь проявилось писательское единомыслие в оценке и анализе сходных жизненных явлений, и оба писателя определили описываемый феномен в терминах Достоевского. Исследование традиций Достоевского в творчестве Леонова можно без натяжки связать с более точным определением значения наследия Достоевского и для творчества самого Горького. Обращает на себя внимание отсутствие каких бы то ни было печатных отзывов Горького о «Скутаревском» и «Дороге на океан». Сохранился лишь черновик письма, набросанного Горьким после прочтения «Дороги на Океан» в рукописи, с отрицательной оценкой романа. С этим письмом Леонова сразу же ознакомил секретарь Горького П. Крючков. Возникают вопросы: знал ли Горький о том, что копию черновика сообщили Леонову? Не имела ли здесь место попытка внести разлад между Леоновым и Горьким?

В середине 30-х годов усложнились отношения Горького и Леонова. Леонов вспоминает, что он чрезвычайно болезненно переживал изменившееся к нему отношение Алексея Максимовича. Отзыв о «Дороге на океан» разительным образом противоречил прежним горьковским оценкам. О замысле и плане романа Леонов рассказывал Горькому еще в 1931 году в Сорренто. Он очень одобрял. И вот теперь, когда роман был написан, последовал отрицательный отзыв и о композиции, и о замысле в целом.

Прежде Горький неизменно подчеркивал художественную самобытность Леонова. В глазах Горького влияние Достоевского в «Воре» не лишало роман оригинальности и самостоятельности. В сохранившейся заметке Горького о Леонове находим строки: «Я уверен, что соседство с Достоевским не повредит ему, он – «сам по себе» [2, с. 346]. А теперь автор «Дороги на Океан» рассматривается Горьким как художник, чуть ли не поработанный гением Достоевского, слепо повторяющий его приемы и методы, утративший своеобычность. Прежде Горький неизменно говорил о Леонове как большом мастере композиции и сюжета. В беседе с начинающими писателями Горький сказал: «Я думаю, что до Леонида Леонова интересных писателей в смысле архитектоники, расположения материала в русской литературе не было» [2, с. 328]. А теперь «Дорога на Океан» рассматривается как неумело скомпонованная, распадающаяся на части вещь, сюжетные линии которой развиваются неоправданно и неубедительно.

Почему же Л. Леонову вдруг так изменило мастерство? Письмо М. Горького свидетельствовало о том, что происходило личное охлаждение Горького к Леонову. До сих пор еще этот эпизод во взаимоотношениях Леонова с Горьким не прояснился. Сейчас же, во всяком случае, этим письмом следует пользоваться в литературоведческом анализе с осторожностью. У нас нет уверенности, что черновик письма Горький превратил или намеревался превратить в письмо, предназначенное для вручения адресату.

Выводы

Публицистика Горького оказала самое непосредственное и прямое влияние на деятельность многих советских писателей, учившихся сочетать художественную деятельность с общественной и публицистической. Леонов в 30-е годы все чаще и обстоятельнее выступает как публицист. Некоторые мотивы леоновских произведений очень точно соотносятся с публицистическими и художественными произведениями Горького, но было бы опрометчивым заключать в каждом случае, что Леонов исходит из суждений Горького. Зачастую совпадение означает созвучие, сходство воззрений и художественных наблюдений обоих писателей; Леонов и Горький совершенно независимо друг от друга приходили к близким заключениям. Леонов исходил из собственного жизненного и творческого опыта, но опыт Горького для него был вдохновляющим.

Все убеждает нас в том, что Леонов в своем творчестве выступал как соратник и единомышленник Горького, и вместе с тем – в том, что Леонов был творчески мыслящим соратником, развивался органически и самостоятельно, идя своим особенным и порою неожиданным путем. Леонов продолжил горьковскую традицию, не повторяя ее, не подражая ей, то есть вполне оригинально и творчески, не во всем совпадая с Горьким, в ряде отношений дополняя Горького.

Список источников

1. Горький и его современники: Сборник статей / Под ред. К.Д. Муратовой. Л.: Наука, 1968. 302 с.
2. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 736 с.
3. Ковалев В.А. Романы Леонида Леонова. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 400 с.
4. Леонов Л.М. Барсуки. М.: Книга, 1990. 490 с.
5. Леонов Л.М. Вор: роман. М.: Эксмо, 2010. 640 с.
6. Леонов Л.М. Соть: роман. М.: Современник, 1984. 304 с.
7. Литературное наследство. Т. 60: Декабристы-литераторы. Кн. 2 / Ред.: В.В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1931. 1956. 459 с.

References

1. Gorky and his contemporaries: Collection of articles / Ed. K.D. Muratova. L., 1968. 302 p.
2. Gorky and Soviet writers. Unpublished correspondence. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 736 p.
3. Kovalev V.A. Novels by Leonid Leonov. M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 400 p.
4. Leonov L.M. Badgers. M.: Book, 1990. 490 p.
5. Leonov L.M. Thief: a novel. M.: Eksmo, 2010. 640 p.
6. Leonov L.M. Sot: a novel. M.: Sovremennik, 1984. 304 p.
7. Literary heritage. T. 60: Decembrists-writers. Book. 2 / Ed.: V.V. Vinogradov. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1931. 1956. 459 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.